
Калле КАСПЕР

ВАРИАНТ ДОКТОРА СТОКМАННА

Вариации на тему пьесы
Генрика Ибсена «Враг народа»

Эве посвящается

Civis romanus sum

Доктор Стокманн: Хотел бы я видеть, в состоянии ли человеческая дрянь заткнуть рот патриоту, который стремится оздоровить общество!

Генрик Ибсен. Враг народа

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Др. Томас Стокманн
Катрине, его жена
Доброжелатель

Пока публика потихоньку собирается, доктор Стокманн сидит в кресле и слушает музыку. Катрине предлагает прибывающим чай. Когда все усаживаются, др. Стокманн выключает граммофон и садится лицом к гостям.

Др. Стокманн: Итак, Катрине, чай есть у всех?

Катрине кивает, отходит в дальний угол комнаты и берется за вязанье.

Др. Стокманн: Тогда порядок. Мы можем начинать.

Доброжелатель (*из угла*): Значит, ты опять начинаешь все сначала?

Калле Каспер — поэт, прозаик и драматург. Родился в 1952 году в Таллине. Окончил отделение русской филологии Тартуского университета и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве (теоретический курс). Автор нескольких романов, в том числе эпопеи «Буриданы» в восьми томах (премия Таммсааре), пяти сборников стихов на эстонском и двух на русском. Двукратный лауреат премии журнала «Звезда». Стихи Каспера печатались в журналах «Звезда», «Новый мир», «Нева», «Литературная Армения» и «Аврора», а эссе — в журналах «Звезда», «Нева», «Палимпсест», «Традиция и авангард», «Восток—Запад» и др. Каспер — лауреат премии имени Ивара Иваска, многолетнего редактора журнала «World Literature Today», за сборник литературных эссе (2021). Автор 37 книг.

НЕВА 6'2024

Др. Стокманн: Да.

Доброжелатель (*зевает*): И тебе еще не надоело?

Др. Стокманн: Есть вещи, о которых даже подумать невозможно, что это может надоест.

Доброжелатель: Господи, какая патетика!

Др. Стокманн: Если нам чего и не хватает, то это пафоса. Настоящего пафоса.

Доброжелатель: Но ты же великолепно знаешь, чем все это кончится?

Др. Стокманн: Знаю.

Доброжелатель: И все же?

Др. Стокманн: И все же.

Доброжелатель (*встает*): Ну что ж. Уже время, начинай.

1

Доброжелатель: «Я — доктор Стокманн...»

Др. Стокманн (*запинаясь*): Я — доктор Стокманн.

Доброжелатель: «Доктор Томас Стокманн...»

Др. Стокманн: Доктор Томас Стокманн.

Доброжелатель (*пародируя*): «Еще недавно меня здесь почти никто не знал, но теперь я — доктор Стокманн, человек с положением (*смотрит выжидательно на др. Стокманна, а тот молчит*)... человек, благодаря которому реализованы значительные мероприятия, принесшие нашему городу немало славы и величия (*кивает в сторону др. Стокманна*)... уважаемый глава семейства, который после долгого прозябания имеет более-менее приличный доход — видишь, Катрине, мы можем себе кое-что позволить, даже принимать гостей. И неудивительно, что наиболее просветленные умы нашего городка с удовольствием проводят время в этих стенах, потому что доктора Стокманна уважают в прогрессивных кругах, доктор Стокманн — умный человек, он видит много такого, чего другие не замечают (*кивает в сторону др. Стокманна*)... Да, человек, у которого голова на плечах, а кроме того, страстное желание что-то толковое сделать — такой человек всегда заходит далеко. Но только теперь все действительно осознают, что такое на самом деле этот доктор Стокманн — потому что я сделал открытие, важное открытие...»

Др. Стокманн: Ладно! (*Доброжелатель умолкает.*) Да, я доктор Стокманн. Доктор Томас Стокманн.

Доброжелатель (*вставляет*): Врач-курортолог.

Др. Стокманн: Какая разница, курортолог или естествоиспытатель, писатель или философ, адвокат или инженер? Должность в данном случае не имеет никакого значения. Как не имеет значения и имя. Сегодня я — доктор Стокманн, завтра...

Доброжелатель (*рычит*): Молчать!.. Как зовут, фамилия?!

Др. Стокманн: Стокманн.

Доброжелатель: Имя?!

Др. Стокманн: Томас.

Доброжелатель: Отчество?! Дата рождения?! Национальность?! Вот так... Ишь, начал, понимаешь, язык распускать! Мало ли кем ты завтра будешь... Знаем мы таких!.. Ладно, продолжай... Я жду.

Др. Стокманн: Я не могу.

Доброжелатель: Почему?

Др. Стокманн: Ты не даешь мне сосредоточиться.

Доброежелатель: Ах, какой ты чувствительный! Это же просто небольшой отеческий урок. Чтобы ты знал, с чем тебе придется иметь дело. Ладно, больше вмешиваться не буду. Итак, еще раз: «Я — доктор Стокманн».

Др. Стокманн: Я — доктор Стокманн. Доктор Томас Стокманн. Но было бы неправильно утверждать, что я только что сделал колоссальное открытие. Только на сцене может случиться, что у кого-то вдруг открываются глаза. В жизни так не бывает. Я всегда шел по жизни с открытыми глазами, много думал и, как мне кажется, кое-что понял. Это все бродило во мне уже давно, и сейчас я чувствую, что настало время, моя чаша переполнилась и меня уже ничто не остановит. Уже завтра...

Доброежелатель: Тихо!

Др. Стокманн: Что случилось?

Доброежелатель: Обожди. *(Подходит к двери, прислушивается, затем резким движением распахивает дверь.)* Порядок. *(Закрывает дверь, внимательно осматривается.)*

Др. Стокманн: Чем ты занимаешься?

Доброежелатель *(замечает, что задник присборен)*: Где были мои глаза! *(Заходит за занавес и расправляет его.)*

Др. Стокманн: Прекрати немедленно этот балаган!

Доброежелатель: Ничего-ничего, осторожность — мать мудрости... *(Указывает на публику.)* Ты всех знаешь, кто здесь собрался?

Др. Стокманн: Как ты смеешь?

Доброежелатель: А ты можешь быть уверен в каждом из них? Посмотри хорошенько, может, заметишь какое-нибудь постороннее лицо.

Др. Стокманн: Какое это имеет значение, если я все равно завтра пойду и...

Доброежелатель: Ты еще не пошел.

Др. Стокманн: Я пойду.

Доброежелатель: Поживем — увидим. Станет ли завтра для тебя первой возможностью высказать все, что тяжким грузом лежит на сердце?

Др. Стокманн: Какое это имеет отношение к настоящему?

Доброежелатель: Разрешите спросить, доктор, где вы раньше были? Почему раньше нам не говорили о своих наблюдениях?

Др. Стокманн: Что, когда и кому я говорю — это должно быть исключительно моим личным делом.

Доброежелатель: В общем, да, доктор, в общем... Но будьте добры понять и нас: ибо сами посудите, что мы должны подумать, когда в какой-то момент некто игравший в нашей духовной жизни долгое время весьма значительную роль, некто имевший достаточно возможностей ознакомить нас со своими взглядами вдруг приходит и бросает нам в лицо неисчислимое количество принципиальных обвинений — обратите внимание, доктор, не злободневных, а принципиальных обвинений — и при этом утверждает, что всю жизнь думал именно так?

Др. Стокманн: Позвольте!..

Доброежелатель: А поскольку такое поведение со стороны человека, которого мы все столь высоко ценим и уважаем, производит крайне странное впечатление, то не приходится, доктор, удивляться, если мы интересуемся подлинными причинами столь резкой смены мнений.

Др. Стокманн: Позвольте-позвольте!

Доброежелатель: Прошу вас, поймите нас правильно, доктор: мы здесь вообще не для того, чтобы вас осуждать, мы здесь для того, чтобы понять — понять, что вызвало столь резкий поворот в ваших взглядах. Потому что — положи руку на сердце —

мы просто не в состоянии поверить, что вы, настолько честный и прямолинейный человек, могли все это время водить нас за нос.

Др. Стокманн: Я никого за нос не водил.

Доброжелатель: Вот видите! Значит, мы правы?

Др. Стокманн: В чем?

Доброжелатель: В том, что за вашим кажущимся невероятным поведением кроется какая-то иная, неведомая причина.

Др. Стокманн: Позвольте!

Доброжелатель: Не стесняйтесь, доктор, расскажите нам, что вас так вывело из себя. С вами поступили несправедливо? Вас кто-то обидел?

Др. Стокманн: Позвольте-позвольте!

Доброжелатель: Но ведь какая-то причина, доктор, должна быть!

Др. Стокманн: Нет никакой другой причины, нет!

Доброжелатель: Но, дорогой доктор, ваши нервы уже просто никуда не годятся. Знаете, что я вам посоветую: идите домой и подумайте надо всем этим спокойно. Наверняка вы убедитесь, что ситуация далеко не так трагична, как вам кажется. И завтра вы пожалеете о многом, что сегодня в припадке ожесточения наговорили.

Др. Стокманн: Нет, как я уже сказал, все это бродило во мне долгое время. И теперь пора высказать правду.

Доброжелатель: Но если так, доктор, то нам надо с вами поговорить о другом. Я спрашиваю снова: почему вы только сейчас выступили со своей истиной? Почему не сделали этого раньше? Отвечайте, доктор, мы хотим знать почему.

Др. Стокманн: Раньше я был к этому не готов.

Доброжелатель: Подумать только, он был не готов!.. Ложь! Бесстыдная ложь! На самом деле, доктор Стокманн, вы все давно уже детально продумали, запрограммировали на годы вперед. Вы знали, что не следует спешить раскрывать карты, вы и сами понимали, что, если начнете провозглашать такого рода идеи в ситуации, когда вас никто не знает, вас просто засмеют. Ваши соображения были просты: вы натянули на себя маску честного и сообразительного человека и бурно погрузились в общественную жизнь — не для того, чтобы способствовать нашему общему делу, а чтобы сделать себе имя, обзавестись сторонниками, заработать авторитет. Ваши соображения были просты: положение — это все, из уст человека с положением и самая оголтелая ложь звучит как непреложная истина. Значит, надо завоевать положение. Вот почему вы все эти годы таились, прятали свое истинное лицо! Вы примирились с длительным ожиданием, таились и выжидали подходящий момент, чтобы выйти и осуществить свои честолюбивые намерения. Вот, доктор, как вы трусливы и коварны. Но ваш план провалился. Вы сделали ставку на то, что теперь, когда ваша первая цель достигнута, когда вас все знают, уже невозможно будет замолчать то, что вы сказали! Говорите, говорите, сколько вам угодно — каждый мало-мальски разумный человек все равно поймет, что такие речи могут звучать только из уст врага.

Др. Стокманн: Я — враг?!

Доброжелатель: Да, опасный враг. Ох, как ловко вы пытались пустить нам пыль в глаза — но мы видели вас насквозь. Ваша правда — никакая не правда, а отчаянная попытка злুষего человека всех вымазать в грязи. Стокманн, вы страдаете манией величия, вы всегда презирали всех, кроме самого себя. Вы ни на йоту не заинтересованы в улучшении нашей жизни, вашей целью всегда была и остается власть. Власть.... Но теперь ваша песенка спета. Вы пытались угодить и нашим и вашим и тем самым выдали себя с потрохами. Доктор — вы лицемер, и одно это — уже достаточная причина не верить ни единому вашему слову. Я закончил.

Др. Стокманн: Это демагогия. Подлая демагогия.

Доброжелатель: А зачем ты мне это говоришь? Постарайся им разъяснить.

Др. Стокманн (*трясет кулаками*): Я разоблачу их! Я разорву эту паутину, в которую они пытаются меня поймать! Я выскажу им все прямо в лицо! Я назову вещи своими именами!

Доброжелатель: Это ничего не даст. Эмоциями с ними не справиться.

Др. Стокманн: А что ты посоветуешь?

Доброжелатель: Как мне кажется, Томас, нельзя спешить, ничего несвоевременного, непродуманного. Подожди еще немного и увидишь, настанет день, когда все предстанет перед тобой в совершенно другом, более ярком свете. Тебе вдруг все станет ясно — и если ты тогда выступишь, Томас, это будет совсем другое дело, и я тебя тогда удерживать не буду.

Др. Стокманн: Если я тогда еще выступлю...

Доброжелатель: Прошу, не пойми меня неправильно.

Др. Стокманн: Я тебя великолепно понял. Какое прекрасное, логичное самооправдание! А вот когда этот настоящий день наступит...

Доброжелатель: Этого я не говорил.

Др. Стокманн: Все равно. Неужели ты думаешь, что я ослеп? Я знаю множество людей, которые ведут себя по твоему рецепту. И что с ними стало!

Доброжелатель: А что с ними стало? Спокойно доживут свою жизнь, потом умрут, и всё.

Др. Стокманн: Да, и всё...

Доброжелатель: Именно! Стокманн, в том-то и дело. И тебе не избежать логического конца, однажды и ты умрешь — не завтра, не через год, но когда-нибудь — обязательно. Я содохну, ты содохнешь, все мы содохнем. Так зачем эти бессмысленные потуги?

Др. Стокманн: Именно для того, чтобы не содохнуть.

Доброжелатель (*саркастически улыбается*): Хочешь оставить след после себя? Продолжать жить в памяти будущих поколений?

Др. Стокманн: Я не знаю, чего я хочу. Но я знаю, чего я не хочу. Я не хочу умирать преждевременно. Я не хочу быть живым трупом.

Доброжелатель: Но почему это должен быть именно ты?.. Что тут смешного? Ты не единственный, кто так думает, почему именно ты должен рисковать своей шкурой?

Др. Стокманн: Но кто-то же должен быть первым.

Доброжелатель: Да, конечно! Кто же еще, если не Стокманн! Ты у нас самый храбрый, самый отважный! Вот и выходит, что тебе надо просто продемонстрировать свое превосходство. Видите — трусы, подхалимы, гадкие червяки, перед вами гордый человек, который ничего не боится, который вам в лицо говорит, что он о вас думает!

Др. Стокманн: Ты меня не понял. Я не собираюсь говорить никому ничего в лицо. Я скажу... так просто... спокойно, тихо.

Доброжелатель: Ох, Томас, Томас! Вместо того чтобы без конца возражать, мог бы поднапрячься и задуматься вместе со мной. Моя задача — не переубеждать тебя, я здесь лишь затем, чтобы помочь тебе самому себе все уяснить. Единственное, к чему я действительно апеллирую, это твой трезвый разум.

Др. Стокманн: Наконец-то! Этих двух слов я так давно ждал. Трезвый разум! Этот изумительный аргумент, которым нас пичкают с детства. А почему ты думаешь, что мои расчеты не базируются на трезвом разуме? А вдруг на нем основан весь мой план?

Доброжелатель: Абсурд. Даже пословица гласит: с волками жить — по-волчьи выть.

Др. Стокманн: А еще пословица гласит, что трусливый волк — зубами шелк.

Доброжелатель: Ах ты, хитрован! Браво, Стокманн! Отличный ход. Значит, ты пришел к выводу, что время настало и всеобщее брожение настолько сильно, что брошенный тобой камень вызовет лавину? Ведь это должна означать твоя фраза о плане, основанном на трезвом расчете? Чушь! Что привело тебя к такому выводу? То, о чем ведутся разговоры в обществе? Это ошибка, грубая ошибка! Ибо что представляют из себя разговорчики в обществе? Это игра, конвенция. Другого значения они не имеют. Неужели ты действительно веришь, что кто-нибудь из тех, с кем ты вел разговоры на эту тему, осмелится поддержать тебя, выступить открыто в твою защиту? А может, ты даже надеешься, что они бросятся тебя защищать с криками «Стокманн прав! Дальше так жить нельзя! Да здравствует демократия! Ура!»?

Др. Стокманн: Я ни на что не надеюсь.

Доброжелатель: Скромность украшает тебя, Стокманн. Конечно же, ты не осмеливаешься признаться в этом во всеулышание — ты не так глуп. Но втайне ты ведь надеешься? Надежда умирает последней... Ах, чтоб тебя! Никто тебя не поддержит. Самое большее, на что ты можешь рассчитывать, это молчание — и даже на это пойдут немногие. Потому что и в молчании есть риск, и молчание требует храбрости, честности и, я уж не знаю, чего еще.

Др. Стокманн: Не преувеличивай.

Доброжелатель: Нет, я не преувеличиваю. К сожалению. Я знаю, что ты имеешь в виду. Ты думаешь: как они посмеют после этого смотреть мне в глаза? Они — которые меня так уважают и любят? И именно в этом заключается твоя самая страшная ошибка. Ибо подумай сам, за что тебя любят? Да, ты умен — но за ум еще никого не любили, наоборот, скорее, за это могут тебе завидовать, а то и ненавидеть. Почему они тебя любят? Они любят тебя за то, что ты честен, благороден, за то, что сердце у тебя болит за все и всех, за то, что ты страдаешь, когда сталкиваешься с несправедливостью, одолеть которую не в состоянии. Одним словом, тебя любят, потому что ты — наша живая совесть. Слышал: совесть... — но не обвинение! И делай что хочешь, но после своего выступления ты для всех превратишься именно в обвинение, живое обвинение. И это плохо. Потому что все остальные тоже умные, честные и благородные люди, и они вовсе не хотят, чтобы появился некто, кто их мудрость, честность и благородство подвергнет сомнению, у кого будет моральное право смотреть на них свысока, чьи полные упрека, презрительные, обвиняющие взгляды они должны будут терпеть.

Др. Стокманн: Я никого не собираюсь презирать, не говоря уже об обвинениях. Чем я их умнее! Молчал и молчал, вместо того чтобы давно уже начать говорить. И если я сейчас что-то для себя решил, то это не значит, что я жду от других того же.

Доброжелатель: Твое отношение вообще никак дела не касается. И то, как ты будешь себя вести, тоже. Вопрос в том, что как бы ты себя ни вел, они будут перед тобой ощущать себя виноватыми.

Др. Стокманн: Но тут я ничего поделать не могу.

Доброжелатель: Вот именно, Томас! Именно это я и хотел доказать! От тебя уже ничего не зависит. Они сами стыдятся, чувствуют себя виноватыми — и этого достаточно.

Др. Стокманн: Достаточно для чего?

Доброжелатель: Для того, чтобы их подсознание взбунтовалось против такой ситуации. Чувство вины — омерзительное чувство, и человек не в состоянии бесконечно его испытывать. И разум его начинает совершенно невольно искать выход

из частокола самообвинений... Как оправдать собственное молчание? Как после выступления доктора Стокманна чувствовать себя полноценным человеком, а не червяком? Каким бы ни был ответ, пусть даже самый абсурдный, бессмысленный — главное, чтобы он предохранял совесть от угрызений и мук. Так-то, Томас. А что дальше будет, можешь себе представить.

Др. Стокманн: И что же будет? Рассказывай! Тебя так интересно слушать.

Доброжелатель: Начало будет, конечно, самым обычным — тебя будут встречать ухмылками. Вот идиот! Зачем ему это надо? Чего он надеялся достичь?

Др. Стокманн: Пусть ухмыляются.

Доброжелатель: А потом у них появится все больше оснований на тебя злиться. Ибо ясно, что после такого наглого шага общественный климат несколько охладится. Кому-то наступят на мозоль, кого-то шарахнут по башке и так далее и тому подобное... И на кого все это обрушится? Конечно, на тебя. Начнутся разговоры: вот видите теперь, что за чушь он несет? Лучше ничуть не стало, даже наоборот, а мы-то думали, что он борется за то же, что и мы.

Др. Стокманн: В этом они сомневаться не смогут.

Доброжелатель: Смогут. А еще через некоторое время начнут размышлять, а почему с тобой до сих пор ничего не сделали — ведь на самом деле может случиться, что с тобой ничего не сделают — и тогда кто-то придет к заключению, что во всем этом деле есть нечто подозрительное. Начнут припоминать разговоры, во время которых ты что-то прямо высказывал, обратят внимание на твою беспримерную храбрость, откровенность, к этому добавят твое донкихотское на первый взгляд выступление, увяжут все с тем фактом, что тебе так до сих пор за это ничего и не было, и...

Др. Стокманн: Чего же ты умолк?

Доброжелатель: Ради бога, только не раздражайся.

Др. Стокманн: Это уже моя забота.

Доброжелатель: И потихоньку сформируется общее мнение, что тебе нечего было бояться...

Др. Стокманн: Замолчи!

Доброжелатель: Что это вообще была не твоя идея...

Др. Стокманн: Замолчи!

Доброжелатель: Что ты уже долгое время служишь понятно кому, а теперь просто с твоей помощью пытаются нас заманить в ловушку. Тебя начнут сторониться, и ты чем острее будешь чувствовать отторжение, тем с более гордым видом расхаживать. И когда ты, едва приподняв шляпу, будешь проходить мимо, у них уже будет основание полагать, что ты и сам понял — тебя видят насквозь, и именно поэтому ты не можешь смотреть никому в глаза, а это уже бесспорно доказывает, что ты...

Др. Стокманн: Умолкни!

Доброжелатель: Что ты — стукач и провокатор.

ПАУЗА

Др. Стокманн: Я устал. Дай мне передохнуть немного.

Доброжелатель: Может, хочешь выпить? Глоток шампанского? Ты же любишь шампанское, Стокманн? Официант, шампанского! Пусть будет сегодня хороший день, а, Томас?.. Попробуй только — ледяное. Как открывать будем: с хлопком или без? Конечно, с хлопком! Вот это ягодка! Прозит, Томас! Глотай с удовольствием. Это напиток богов... Помнишь, как лилось шампанское еще тогда, когда мы были

студентами? Мы тогда жевали черствый хлеб, но в вине недостатка не было!.. Были времена! Есть что вспомнить... Томас, а ты не голоден? Я, к примеру, да. Как волк. Официант! Ты какую кухню предпочитаешь, Томас? Китайскую? Французскую? Итальянскую? Ладно, пусть сегодня будет французская. Итак: фаршированные овощи, яйца в луковом соусе, вареная форель, фрикасе из телятины — и далее, по порядку все десять ходов... а ты все равно приуныл, Томас? Чем же тебе настроение поднять? А, знаю! Маэстро, музыку! Парам-па-па, парам-па-па — прозит, Стокманн! Поживем еще?.. Ах, какие лакомства!.. Приятного аппетита, Томас!.. Как время летит!.. Помнишь, Томас, всего лет десять назад у нас были университетские друзья: Олаф, Хьялмар, Росмер... а сейчас, кто они? Консул, редактор газеты, министр! Все — важные господа... Неужели, Томас, тебя не волнует, что они... которые по своим способностям тебе в подметки не годятся... что они могут жить, как хотят... могут наслаждаться всем, ни в чем себя не ограничивая... а ты.. достойный в тысячу раз большего, чем они... ты не можешь?... Наверняка ты думал об этом, думал... Но ничего, настал наконец и твой звездный час... и с сегодняшнего дня, Томас... Ты можешь иметь все, что захочешь. Если ты этого хоть немножечко хочешь. Прозит, Стокманн! За твое будущее! Ох, ну и вкусно было... Как усталость, прошла? Отлично! А дальше? А что, Томас, если мы вспомним молодость? Давай так и сделаем!.. Шофер! Автомобиль к подъезду!.. Я знаю, Томас, куда мы поедем — в «Гранд-отель». Там, говорят, сегодня выступает танцовщица экстра-класса. Ты только подумай, Томас: мы со скрежетом тормозов подъедем к распахиваемым перед нами дверям — нас уже ждут, нас ждут!.. Лучший столик, хозяин и шампанское, море шампанского!.. Музыка, полумрак — и вот, Томас, вот она, ты видишь? Ты только посмотри, она танцует для тебя! Пони-маешь, Томас? Для тебя!.. А ты так равнодушен? Конечно, как я сразу не сообразил — это не в твоём вкусе. Я знаю, тебе нужен кто-то, кого ты мог бы воспринимать в масштабах своей духовности, своего интеллекта, своей чувствительности. Но прошу тебя, Томас, оглянись вокруг — самые утонченные, самые обворожительные, самые одухотворенные женщины только и ждут, чтобы ты обратил на нее внимание. Твой шарм, твое умение вести себя в обществе, твоя тактичность — все это обезоруживает их. Так будь мужчиной, не заставляй их дольше мучиться. Мужчина ориентирован на весь мир, женщина — на мужчину. Встань, говорю я тебе, встань и осчастливь их! Чего ты раздумываешь? Ты же знаешь, как коротка жизнь, как редко выпадают моменты, достойные всей этой бессмыслицы, — и ты, ты хочешь добровольно отказать и от этого немногого? Ты, всегда обожавший наслаждение? Очнись, Томас! Встань, расправь грудь и иди! Слышишь меня? Встань, говорю я тебе, Стокманн, встань и воссияй!

Др. Стокманн: Нет.

Доброжелатель: Нет?

Др. Стокманн: Нет.

Доброжелатель: Ладно, тогда возьмем небольшую паузу. Катрине, можно попросить налить мне чаю?

 Доброжелатель (*ставит со звоном чашку на стол*): Томас, ты готов: Итак, повторяю...

2

Доброжелатель: Ты же знаешь, как коротка жизнь, как редко удается уловить момент, достойный всей этой бессмыслицы, — и ты хочешь добровольно от-

казаться и от этого немногого? Ты, который всегда обожал наслаждение? Одумайся, Томас! Встань, расправь грудь и иди! Слышишь? Встань, говорю тебе, Стокманн, встань и воссияй!

Др. Стокманн: Нет.

Доброжелатель: Нет?

Др. Стокманн: Нет.

Доброжелатель: Что ж, как я вижу, тебя уже ничто не в силах поколебать.

А ведь в мире столько интересного...

Др. Стокманн: Знаю.

Доброжелатель: И ты готов от всего отказаться? В том числе и от свободы?

Др. Стокманн: Зависит от того, что понимать под свободой.

Доброжелатель: А то, что ты потеряешь всех друзей, — это тебя не беспокоит? Одиночество медом не покажется.

Др. Стокманн: Одиночество? Катрине! Катрине, что говорит этот человек? Он утверждает, что мне грозит одиночество. Это действительно так?

Катрине встает, подходит к Стокманну, целует его и возвращается к своему вязанью.

Доброжелатель: Да, если бы у тебя не было Катрине...

Др. Стокманн: Но она есть.

Доброжелатель: И такую женщину ты хочешь затащить за собой в этот ад? Ты что, не знаешь, что вас ждет? Тебе ее не жаль?

Др. Стокманн: Ты не знаешь Катрине.

Доброжелатель: Да? Ладно. Какого сочувствия можно от тебя ждать — от тебя, которому плевать даже на то, что станет дальше с нашей жизнью.

Др. Стокманн: Но позволь!

Доброжелатель: Что тут позволять! Неужели тебе не ясно, что после такого шага ты будешь выброшен из игры. Конечно, ты и впредь можешь выступать с пышными воззваниями, но внимания на это никто обращать не будет, и ничего реального, ничего положительного ты уже сделать не сможешь, и вот тут ты и станешь пустым местом, круглым нулем... Ты говорил недавно, что не хочешь быть живым трупом — но именно тогда ты им и станешь!

Др. Стокманн: Чуть!

Доброжелатель: Ты сам идешь по пути наименьшего сопротивления, а когда тебе говорят правду в глаза, называешь это чутьем?

Др. Стокманн: Неужели то, что я собираюсь сделать, представляет собой, по твоему разумению, путь наименьшего сопротивления?

Доброжелатель: Сжигать мосты, Томас, вовсе не искусство. С этим может справиться любой, но попробуй преодолеть свои амбиции, попробуй, несмотря на чувство омерзения, работать, работать и еще раз работать, чтобы действительно что-то совершить — на такое у тебя мужества не хватит.

Др. Стокманн: Позволь же!

Доброжелатель: Нечего здесь позволять. Признайся, что на самом деле тебе лень трудиться, что громкая слава для тебя желаннее и поэтому ты рад, что сможешь под вывеской благородного поведения избежать до смерти замучивших тебя обязанностей.

Др. Стокманн: Позволь все же и мне сказать.

Доброжелатель: А тебе есть еще что сказать?

Др. Стокманн: Пункт первый: ты сказал, что этим шагом я выхожу из игры. Частично ты прав. В эту старую игру я действительно больше играть не намерен.

Доброжелатель: А ты можешь предложить что-нибудь получше?

Др. Стокманн: Хотя бы что-то такое, где правила диктует не одна сторона. Где я не должен чувствовать себя пешкой, находящейся под ударом.

Доброжелатель: Откуда такая наивность! Именно в эту предлагаемую тобой игру они умеют играть в сто раз лучше тебя. В этой игре ты никогда не пройдешь в ферзи. Это, Стокманн, вода, льющаяся на их мельницу. Они вздохнут с облегчением, когда увидят, как еще один выдающийся человек, кто-то, кто мог бы им серьезно угрожать, сам объявил себя вне закона.

Др. Стокманн: Но именно по-другому ничего сделать нельзя! Даже если мне не удастся сейчас создать серьезную угрозу, я останусь для них бельмом на глазу.

Доброжелатель: Совсем наоборот: на самом деле им такие сумасшедшие, как ты, просто необходимы. Как иначе смогут они достоверно доказать, что некоторая строгость в управлении все же необходима? Ведь для этого нужен явный враг, кто-то, на кого можно нападать в открытую. Ведь тогда можно будет сказать: как волка ни корми... и так далее. Печально, но факт — ты их осчастливишь.

Др. Стокманн: С ними на сделку идти нельзя.

Доброжелатель: Как я сразу не сообразил: Стокманн и компромиссы — под одной крышей они невозможны.

Др. Стокманн: С чего ты взял, что я ненавижу компромиссы? Если бы вопрос был в договоре между равными сторонами, когда обе признают если не позиции друг друга, то, во всяком случае, право на эти позиции, я бы ничего не имел против таких компромиссов. Но если все ограничивается тем, что одна сторона зажимает другую в зубах и уговаривает: будь хорошим мальчиком, тогда я, может быть, заглочу тебя не сразу, — подумай сам, можно ли называть это компромиссом?

Доброжелатель: Художественные образы побереги для более легковерной публики. Если хочешь убедить меня, что ты не блефуешь, скажи прямо: чего ты своей выходкой надеешься достичь?

Др. Стокманн: Если я тебе заранее скажу, то тебе легко будет разнести мой план в пух и прах. Никто не может предсказать, к каким последствиям может мое выступление привести.

Доброжелатель: Томас, не прыгай в воду в неизвестном месте.

Др. Стокманн: Но это единственная возможность.

Доброжелатель: Раскрой глаза и посмотри: каждый день что-то делается, что-то совершается.

Др. Стокманн: Но какой ценой?!

Доброжелатель: Кто умеет ловко вести дела, тот не обанкротится. И вообще, мы собирались поговорить о результатах, а не о том, какую цену за них приходится платить — что проблема этическая.

Др. Стокманн: Отнюдь не только этическая. Цена, которую мы платим, имеет прискорбные последствия. Игра, в которую все играют, хлопая в ладоши, ведет нас к гибели.

Доброжелатель: Смотри, какой Нострадамус объявился! Вот это уже настоящая логика — логика Стокманна.

Др. Стокманн: Я понимаю, какое клеймо ты хочешь на меня поставить: честный, но дурак, так ведь? Прости, но с твоей стороны это не очень умно.

Доброжелатель: Уловил слабое место?

Др. Стокманн: Человек, мне тебя жалко. Ты такая же жертва обмана зрения, как и все остальные.

Доброжелатель: Позволь!

Др. Стокманн: Ты видишь только те ухищрения, к которым прибегает каждый в отдельности — и так действительно может сложиться впечатление, что, если следовать твоим советам, то выиграть можно больше, чем проиграть. Но как только мы начнем сравнивать тихие достижения отдельных людей с теми огромными потерями, которые мы несем по причине молчания, равнодушия и трусости, становится ясно, что нас каждый день только бьют, бьют и бьют. И мы не отдаем себе в этом отчета только потому, что роль каждого отдельного человека в этих огромных потерях столь мала, что на первый взгляд вообще не видна. Поэтому и проще утверждать, что в происходящем никто не виноват — это объективная неизбежность, против которой мы бессильны. Хотя на самом деле эта неизбежность — плод нашего раболепия.

Доброжелатель: Давай дальше.

Др. Стокманн: Нами овладело иллюзорное спокойствие, которое возникает у того, кто видит только собственные крохотные достижения и не обращает внимания на то гигантское свинство, которое формируется общими усилиями и которое, как внушается ему стремлением к самооправданию, его зуб неймет.

Доброжелатель: Еще что-нибудь?

Др. Стокманн: Мы пока говорили только о внешних потерях. Но у этого дела есть еще одна сторона... Ты меня слушаешь?

Доброжелатель: Просто каждое слово на лету ловлю. Ты закончил?.. Ясно.

Др. Стокманн: Что ясно?

Доброжелатель: Верти, как хочешь, все равно в конце выяснится, что среди нас лишь один умный и прозорливый человек, один-единственный настоящий гражданин — пожалуйста, познакомьтесь, доктор Стокманн, наша гордость и слава! А мы, остальные, все до последнего, трусы, свиньи и, как сейчас выяснилось, что именно мы сами — ты, ты, ты и ты, конечно, тоже — виновны в том, что в течение нашей жизни, да и в предыдущие столетия нас постигло кошмарное количество потерь. И вместо того чтобы теперь, когда наш вождь и учитель доктор Стокманн открыл нам глаза, искупить свою вину, мы покорно остаемся при наших повседневных заботах о хлебе насущном — это теперь стало совершенно ясно.

Др. Стокманн: Позволь!

Доброжелатель: Не позволю! Я твоих разъяснений уже нахлебался! Скажи, неужели тебе действительно больше нечего предложить нам, бедолагам, кроме твоего собственного воодушевляющего примера? У тебя, кроме жертвенности, больше ничего за душой нет? Стокманн, ты до омерзения неуступчивый.

Др. Стокманн: А ты у нас образец гибкости, да?

Доброжелатель: Думаю, да.

Др. Стокманн: Сейчас посмотрим, насколько ты гибок. Сядь! Нет, не так. Сядь между двумя стульями. Вот так. И теперь слушай. Ты спросил, не надоело ли мне уже это все. А тебе, друг дорогой, все прочее еще не надоело?

Доброжелатель: Что все прочее? Что ты имеешь в виду?

Др. Стокманн: Мы топчемся в грязи — да что там топчемся — мы по уши в нее провалились — в грязь лжи, и никто не осмеливается даже пикнуть об этом, чтобы там, где надо, не узнали, что мы думаем — хотя там так и так знают, что мы думаем. И как долго нам такое терпеть? Эта покорность, которую мы всосали с молоком матери, это раболепие, воспитывавшееся веками, неужели они действительно так сильны, что мы

даже разок рискнуть не осмеливаемся? Неужели мы забыли, как трудно сводить счета с теми, кто смел и солидарен? Неужели это повседневное нытье более ценно для нас, чем один-единственный момент, полный гордости и красоты, — момент, когда ты чувствуешь, что мы стали людьми — свободными людьми?.. Неужели мы не в состоянии понять, что, продолжая по-старому, утрачиваем мы то самое главное, что нам вообще дано, — достоинство? Время идет, ничего не меняется, и если мы намерены так и остаться сидеть между двумя стульями, то может случиться, что в один прекрасный день окажется поздно, что с нами просто поступят вот так (*выбивает один из стульев из-под Доброжелателя, тот падает на пол*)... и все.

Доброжелатель (*вставая*): Ты стал тверже и уверенней, Стокманн.

Др. Стокманн: Только так можно на что-то рассчитывать.

Доброжелатель: Но твое поведение кажется несколько однобоким.

Др. Стокманн: Иной раз надо отбрасывать сомнения. Иначе может случиться, что ничего сделать не удастся.

Доброжелатель: Хватит притворяться. У тебя это получается не слишком удачно. Твое несчастье в том, что ты не умеешь хитрить. Я тебя насквозь вижу, Стокманн, вижу даже то, чего ты сам не видишь, потому что боишься увидеть.

Др. Стокманн: И что же это?

Доброжелатель: До нынешнего момента мы были в неравном положении, Томас. У тебя было мощное оружие, которое тебя защищало, — твоя миссия! Тебе было легко добиться морального превосходства надо мной, пока она тебя облагораживала. Ты как бы выступал за всех нас. Но когда сомнение вызывает сама миссия, что тогда? Что ты будешь делать в таком случае? Признайся, Стокманн, что, несмотря на свою целеустремленность, ты в самой глубине души все-таки сомневаешься в том, ну-жен ли твой гордый и красивый момент вообще кому-нибудь?

Др. Стокманн: Дальше.

Доброжелатель: Ибо за кого ты борешься? Только за себя. Ну, еще за горстку людей. Для остальных — большинства — твоя свобода, гласность и все прочее нужны так же, как корове седло. Что с того, что они ворчат — человек ворчал всегда, — но твои идеалы им ни к чему, без них жить куда приятнее. Ты — не они, а они — не ты — так было всегда, так и будет.

Др. Стокманн: Ты прав. Но это, похоже, проблема неразрешимая. И поэтому я солидарен с человеком, который сказал, что большинство никогда не бывает право.

Доброжелатель: Но если так, Стокманн, то ты — враг народа.

Др. Стокманн: Нет. Что с того, что я не могу понять, как люди могут жить такой жизнью, как они живут, это еще не означает, что я их ненавижу или презираю. Мне их просто жаль.

Доброжелатель: А им всем должно быть жаль тебя! Жить — это значит приспособливаться, глубочайшая сущность жизни кроется в приспособливании к жизни как таковой — все равно, в каких условиях!

Др. Стокманн: Каждому свое.

ПАУЗА

Доброжелатель: Пора подводить итоги.

Др. Стокманн: Да, пора.

Доброжелатель: Итак, все говорит за то, что надо идти. Идти, чтобы сказать: «Так дальше жить нельзя!»

Др. Стокманн: Надо.

Доброжелатель: Надо сказать о том, что мы тонем в омуте лжи.

Др. Стокманн: Надо.

Доброжелатель: Надо сказать, что рабы не достойны свободы, но для того, чтобы стать свободными, нужна отвага.

Др. Стокманн: Надо.

Доброжелатель: И все же ты не пойдешь.

Др. Стокманн: Не пойду...

Доброжелатель: Ты выжал из себя все, ты выговорился до конца. На большее у тебя сил нет. А ко всему ты еще и боишься. Ты даже не знаешь, чего ты боишься, разумом ты как бы свои страхи преодолел — и все-таки боишься...

Др. Стокманн: Боюсь...

Доброжелатель: Так-то, дружок. Наше время прошло. Пошли спать, Томас. Утро вечера мудренее.

Др. Стокманн: Наверное.

Доброжелатель: И то, что вечером казалось таким жутким и безнадежным, может утром выглядеть весьма приемлемым. Не так ли? Я имею в виду жизнь.

Др. Стокманн: Может.

Доброжелатель: Вставай. Пошли спать. Катрине тоже смертельно устала... И все-таки я тебя спрошу, Стокманн, доктор Стокманн, курортолог или естествоиспытатель, инженер или философ: как долго еще? Скажи мне: доколе?

Др. Стокманн: Я не знаю.

Доброжелатель: А кто знает?!

Др. Стокманн: Хватит, пошли спать.

Доброжелатель: Спокойной ночи, Томас, и хороших снов!

Др. Стокманн: Спокойной ночи.

ЗАНАВЕС

1979

Перевод с эстонского Лейви ШЕРА